

УДК 821.161.1

ФЕНОМЕН РУССКОГО ЕВРОПЕИЗМА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Корчевская О. В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

*В статье рассматривается проявление идей русского европеизма в
литературно-эстетических концепциях русской эмиграции.*

Ключевые слова: *русская эмиграция первой волны, литературная критика,
русский европеизм.*

Широко известно существование в русской эмиграции первой волны евразийского течения, провозгласившего родство России с Азией, восточного славянства – с туранством. Однако в целом свойственное евразийству антизападничество не получило распространение среди русских эмигрантов. Это и неудивительно: в этой эмиграции преобладали представители дворянской и интеллигентской элиты, тесно связанные с европейской культурой. Европейское образование и воспитание сочеталось у них с русским национальным самосознанием. Они не только не отказались от него в эмиграции, но, напротив, стали особенно им дорожить. С философской и общественно-политической точки зрения русский европеизм в эмиграции получил характеристику в диссертации З. Д. Яковлевой, в то время как проявление его идей в литературно-эстетических концепциях русской эмиграции до сих пор практически не исследовано.

Цель данной статьи – охарактеризовать феномен русского европеизма в литературной критике русской эмиграции первой волны.

Философское обоснование русского европеизма заложено в работах П. Я. Чаадаева, В. Соловьева, Н. Бердяева. Эти философы отстаивали идею необходимости развития в русской культуре именно европейских принципов («сознания безусловного человеческого достоинства, принципа самостоятельной и самодетельной личности»). В работе «*Душа России*» (1915) Н. Бердяев сожалел о том, что в русской истории, в отличие от западной, не было периода рыцарства, которое бы закалило характер русского человека [2, с. 34]. Борясь за европейскую Россию, они не принимали ее азиатскую составляющую (коллективизм, рабство, деспотизм, растворение личности в коллективе).

В целом русский европеизм был распространенным в эмиграции умонастроением, которое проявлялось у представителей разных идейных течений, стремившихся модернизировать русскую традицию с помощью европейской прививки. «Новоградцы» Ф. Степун, Г. Федотов, И. Бунаков-Фондаминский пытались соединить «вселенское православие», «формальную демократию» и

«социальное дело». Говоря о них, В. Яновский отмечал, что «латинская прививка к родному максималистскому полудичку обернулась творческой удачей» и что они «не менее животворящи для будущей, новой, европейской России», чем молодая эмигрантская литература [16]. Д. Мережковский и З. Гиппиус были ориентированы на сближение с латинством.

В 1930-е годы для младшего поколения эмиграции и прежде всего круга журнала «Числа» западный вектор в творчестве был связан со следованием модернистской традиции, напитанной восточным, иррационально-созерцательным началом. Ориентация на ценности европейской культуры (принцип личности, мужественный дух, упорядоченность, трезвый взгляд на вещи, сознательность) у младоэмигрантов (Н. Берберовой, В. Яновского, Г. Газданова, В. Набокова, З. Шаховской) отчетливо проявилась в послевоенный период. Литературная ориентация русских писателей на Запад включала в себя повышенный интерес к стилистическим и композиционным особенностям литературного произведения. Формальное совершенство, продуманность композиции, сюжетная напряженность, точность, четкость языка, острота ума считались преимуществами западной литературы.

Русская пассивность, растворенность личности в коллективе или природе, широко проявляющаяся в персонажах русской литературы, нередко были мишенью для литературной критики эмиграции. Так, З. Гиппиус упрекала Б. Зайцева за отсутствие в его дореволюционном и раннеэмигрантском творчестве ощущения человека, личности: «Герои его рассказов – «зелень полей», «черный обворожительный ком-земля», вся тварь, «совокупно (и покорно) стенающая об избавлении»; а герои, люди, если искать в них людей, – кажутся странно-легкими, мерцают, скользят <...> потому что и они – та же земля, та же зелень полевая» [4, с. 54-55]. Ф. Степун говорил о растворении человека в творчестве Бунина «в природно-космическом бытии». По мнению критика, имя Бунина не связывается в нашем представлении с образами его героев, как, например, имя Достоевского вызывает в памяти Раскольников, Мышкина, Карамазовых, а имя Толстого – образы Наташи Ростовской, Анны Карениной, Пьера Безухова [13, с. 365-385].

Герой русской литературы – обычно человек пассивный, безвольный, не способный к действию и борьбе. Эту его особенность отмечали эмигрантские критики и неозападнической, и неославянофильской ориентации, правда, оценивая ее по-разному. Б. Зайцев заметил, что «любимые люди» Тургенева «пассивны, мало кузнецы, но никогда и не наглецы», они «в стороне от жизненных большаков, где орудут люди с волчьими зубами». «Русское лицо», выраженное в героях Тургенева, – одновременно прелестное и печальное, слабое и неустроенное, неприспособленное, непрактическое [5, с. 15].

Безволие называл сущностной чертой князя Мышкина И. Ильин. Роман «Идиот» философ рассматривал как «трагедию жизни», «трагедию благочестивого человека», который «из-за своего безволия так мало способен сделать»; «лирическую поэму» о «страданиях чистой, но безвольной мужской любви» [8, с. 301].

В. Набоков охарактеризовал «чеховского интеллигента» как человека, сочетавшего «глубочайшую порядочность с почти смехотворным неумением осуществить свои идеалы и принципы»; преданного «нравственной красоте, благу

всего человечества», но в частной жизни неспособного «ни на что дельное»; погрузившего «свою захолустную жизнь в туман утопических грез»; точно знающего, «что хорошо, ради чего стоит жить», но при этом все глубже тонущего «в грязи надоевшего существования», несчастного в любви, «безнадежного неудачника в любой области», «доброго человека, неспособного творить добро» [12, с. 329]. Одной из немногих в русской литературе попыток создания положительного деятельного мужского характера, как заметил Набоков, был тургеневский Базаров. Однако добавил при этом, что автор романа «Отцы и дети» в принципе был не способен привести мужские персонажи к победе в пределах своего замысла [12, с. 147]. В своем творчестве Набоков восполнил этот пробел русской классики, создав, по мнению Н. Хрущевой, «нового, побеждающего, рационального, efficiently-западного героя, свободного от русских сомнений, высоких слов и помыслов» [14]. Для набоковских героев Ганина («Машенька»), Мартына («Подвиг») и Годунова-Чердынцева («Дар»), пишет исследовательница, «собственная жизнь (часто в форме простого выживания) <...> важнее, чем все прекраснотушные, утопические, непрактичные, нематериальные идеи русской литературы» [14, с. 92-104].

Другой формой «женственной» «русскости» был страстный, импульсивный, неистовый характер, представленный в персонажах Достоевского. Человек с внутренним надрывом, внутренним изломом в эмиграции назывался «типом Достоевского», «человеком Достоевского» и т.д. Например, «Достоевской девушкой» называется в романе Б. Зайцева «Дом в Пасси» его героиня Капа; в очерке о Тютчеве Б. Зайцев характеризует как «тип Достоевского» возлюбленную поэта Е. Денисьеву: «интеллигентка с тяжким, нервным взглядом, болезненная, вспыхивающая, очаровательная в своей возбудимости и несущая уже в себе драму» [6, с. 106]. Интересно, что И. Ильин относил к «типу Достоевского» Л. Толстого, находя у него «классический надрыв духа», «борения», страдания, бессилие, слезы отчаяния, «бездну в глубинах сердца и жажду совершенства» [8, с. 326].

Страстность и безмерность русской природы проявлялась в хаотичности литературного стиля. В эмиграции такие обвинения выдвигались, в первую очередь, И. Шмелеву и А. Ремизову. Антон Крайний (З.Н. Гиппиус) ставил Шмелеву в упрек отсутствие чувства меры, сдержанности, собранности, замечая, что «по-русски безмерное – святое – бурление души заставляет его забывать и о писательском целомудрии», между тем как «вопли, водопады и пена слов» – это нарушение закона искусства. Эти особенности личности и стиля, по мнению критика, делают Шмелева «слишком русским» и являются препятствием для достижения им всемирности [4, с. 54].

И. Ильин отмечал, что «художественно-беззаконному, анархическому юридическому стилю Ремизова» недостает «простоты и предметности». По его словам, «эстетическая материя» Ремизова лишена равновесия, чуждается «меры и строгого вкуса», направлена «против нормального мышления» [7, с. 325].

Стилю Шмелева и Ремизова нередко противопоставлялся язык И. Бунина. Та же З. Гиппиус отмечала, что у последнего, кроме «русскости», есть «магичность исключительного таланта и сдержанность, собранность», приближающие его к всемирности [4, с. 53]. В. Вейдле писал о языке Бунина, что это «не словесный узор, крутящийся вокруг узора мысли, и не уносящая мысль в свой водоворот стреми-

тельная, захлебывающаяся речь, а уверенная полновесность твердо поставленной на свое место и вонзенной в свою мысль фразы» [3, с. 787].

П. Милюков противопоставлял Толстого и Достоевского, которые «хлебнули слишком крепкого раствора русской народной стихии», «русскому европейцу» Тургеневу – художнику-наблюдателю, писавшему о русской жизни, находясь «на том берегу» [цит. по: 1, с. 410].

Русских европейцев, критиковавших азиатскую составляющую русской души, Запад не только притягивал, но и отталкивал. В западной жизни они не принимали материализм, рассудочность, буржуазность («Европу лавочников»), теплохладность. За отточенной, совершенной формой европейской литературы они часто видели пустоту, равнодушие, пресыщенность, духовную слепоту. На Западе они искали русский образ Запада.

Г. Адамович признавал, что в целом «французы пишут лучше нас, острее, яснее, тоньше, гибче». Однако одного из ведущих критиков эмиграции удручало французское «суесловье», «неискоренимое пристрастие к “фразе”, общая какая-то пустота и праздность речи»; «декоративность речи», за которой скрывается «декоративность чувств» [цит. по: 9, с. 155]. Он отмечал, что попытка «уловить единую, основную, обобщающую „тему” современной французской литературы и перевести ее „на русские понятия, русский духовный язык” приводит к недоумению: „Не то”, а главное, „не о том” [цит. по: 9, с. 156]. Главное отличие русской литературы от французской Адамович видел в том, что ее тема «в общих ее чертах остается еще темой христианской...», человек в ней еще не возведен в Абсолют, как на Западе [цит. по: 9, с. 155-156].

С одной стороны, русские эмигранты, как было показано выше, ценили «меру», ясность, трезвость, а с другой – с русским максимализмом их же осуждали и искали противостоящие им анархичность и революционность во французской литературе, стараясь найти «себя в другом». Б. Поплавский признавался, что ему ближе «какой-нибудь хасидский иллюминант оборванный, фанатический и даже нетерпимый», «чем элегантный неверующий и добрый европеец, гутирующий все, каким в России был Тургенев» [11].

Неудивительно, что большинство русских европейцев в эмиграции переживало драму неполной аккультурации. Говоря о Г. Федотове, И. Фондаминском, Ф. Степуне, В. Вейdle, В. Яновский указывает на двойственность и внутреннюю противоречивость, отличавшую каждого из них. В личности Г. Федотова, по его словам, «музыкальная податливость» соединялась с «пророческим гневом», ненависть к родной истории – с любовью. В таком противоречивом соединении для Яновского нет ничего нового: такими же были русские европейцы XIX века – Печерин, Чаадаев, Герцен, Соловьев. Мать Мария и Илья Фондаминский в восприятии В. Яновского предстают как феноменальное соединение европейцев с народниками: «Он (И. Фондаминский. – О. К.) <...> даже шел в «зарубежный народ»: ездил по провинции с наивными докладами». В некоторых русских европейцах, в частности в Ф. Степуне, Яновский отмечает неизжитое русское «подполье» («беспокойный дух, раздираемый многими противоречиями подсознания и подполья») [16].

Русская эмиграция выработала новое понимание феномена «русскости», не связанное с этничностью, принадлежностью к крестьянскому сословию и деревенской культуре. Так, И. С. Лукаш противопоставлял народничество национальной линии в русской литературе, отмечая, что превращение «национальной пушкинской литературы» «в этническую литературу племени, с обязательными мужиками, деревней, провинцией» послужило причиной распада «имперской российской нации» [цит. по: 10, с. 6-7]. Критерием «русскости» для В. Яновского, как и для большинства молодых эмигрантов, была религиозность, понимаемая как теологическая интуиция, религиозное беспокойство, озабоченность «последними вопросами». «Арелигиозность», практический и прагматический взгляд на вещи, лишенный метафизического измерения, как, например, у Фельзена, воспринимается Яновским, скорее, как ущербность и недостаток.

Неудивительно поэтому, что петербуржец и русский европеец Г. Адамович за годы эмиграции приблизился к славянофильству. В своей книге «L'autre patrie» он пришел к выводу, что «основная идея» славянофилов «таинственным образом сходна с метафизической идеей возвращения, лучше согласуется с поэтическими преобразованиями или с преобразованиями чувств и находит больше откликов в сердцах» [цит. по 9, с. 159]. Однако, как отмечает О. Коростелев, у ведущего критика русской эмиграции продолжал вызывать отталкивание «облегченный вариант славянофильства, не отягощенный сомнениями и вообще интеллектом» [9, с. 160].

Выводы. Русский европеизм – широко распространенное в эмиграции умонастроение. Представители самых разных идейных течений подчеркивали изъяны русского начала (обезличенность человека в коллективе, пассивность, преданность мечтам и страстям) и указывали на необходимость ему европейской прививки (дисциплина, личная инициатива, чувство собственного достоинства, сознательность). В литературной критике европеизм выражался в повышенном интересе к форме и утверждению деятельного героя – качествах, которые европеисты не находили у русских авторов. Неоспоримым достоинством русской литературы для европеистов, как и для неопочвенников, была ее метафизичность. В европейской культуре их отталкивали материализм, рассудочность.

Список литературы

1. Александров В. А. Тургенев / В. А. Александров, К. А. Жулькова // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья, 1918-1940: [в 4 т.] / РАН, ИНИОН. – М. : РОССПЭН, 1997. – Т. 4 : Всемирная литература и русское зарубежье. – 2006. – С. 404–412.
2. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : Советский писатель, 1990. – 346 с.
3. Вейдле В. В. Из статьи «На смерть Бунина» / В. В. Вейдле // Избранные сочинения / И. А. Бунин ; сост., вступ. ст., коммент. С. Р. Федакина. – М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003. – С. 782-787.
4. Гиппиус З. Н. Полет в Европу / З. Н. Гиппиус // Критика русского зарубежья. В 2 ч. Ч. 1 / сост., преамбулы, примеч. О. А. Коростелева, Н. Г. Мельникова. – М. : Олимп, АСТ, 2002. – С. 46-76.
5. Зайцев Б. [О Тургеневе] / Борис Зайцев // Тургенев и его время : сб. 1. / под ред. Н. Л. Бродского. – М. : Гос. изд-во, 1923. – С. 14-16.
6. Зайцев Б. Тютчев: жизнь и судьба: (к 75-летию кончины) / Бор. Зайцев // Возрождение. – 1949. – Тетрадь 1 (январь). – С. 97-109.
7. Ильин И. А. Собрание сочинений: [в 10 т.] / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1993-1999. Т. 6. Кн. I – 1996. – 560 с.

8. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / И. Ильин / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга – XXI век, 2007. – 464 с.
9. Коростелев О. А. Георгий Адамович о взаимоотношениях французской и русской литературы // Русские писатели в Париже : Взгляд на французскую литературу : 1920–1940 : материалы Международ. науч. конф., 8-10 декабря 2005 г., Женева / сост., науч. ред. Ж.-Ф. Жаккара, А. Моррар, Ж. Тассис. – М. : Русский путь, 2007. – С. 152-162.
10. Коростелев О. А. Пафос свободы : Литературная критика русской эмиграции за полвека (1920-1970) : [предисловие] / О. А. Коростелев // Критика русского зарубежья. В 2 ч. Ч. 1 / сост., преамбулы, примеч. О. А. Коростелева, Н. Г. Мельникова. – М. : Олимп, АСТ, 2002. – С. 3-35.
11. Поплавский Б. Доклады. Наброски выступлений [Электронный ресурс] / Борис Поплавский // Новый Журнал. – 2008. – № 253. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nj/2008/253/po18.html>.
12. Набоков В. В. Лекции по русской литературе : пер. с англ. / В. В. Набоков ; предисл. Ив. Толстого. – М. : Независимая газета, 1996. – 440 с.
13. Степун Ф. А. Литературные заметки: И.А.Бунин (По поводу «Митиной любви») / Ф. Степун // И. А. Бунин : Pro et Contra : Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей : антол. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – С. 365-385.
14. Хрущева Н. Владимир Набоков и русские поэты (Из книги "В гостях у Набокова") / Н. Хрущева // Вопросы литературы. – 2005. – № 4 (июль–авг.). – С. 92-104.
15. Яковлева З. Д. Проблема взаимосвязи культуры и цивилизации в философии русского зарубежья 1920-1940-х годов : дис.... канд. филос. наук : 09.00.03 / Яковлева Зухра Джуракуловна. – Тверь, 2006. – 202 с.
16. Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти / В. С. Яновский. – СПб. : Пушкинский фонд, 1993. – 276 с.

Корчевська О. В. Феномен російського європеїзму в літературній критиці російської еміграції першої хвилі // Ученіє запискі Тавричеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.499-504.

У статті розглядається прояв ідей російського європеїзму в літературно-естетичних концепціях російської еміграції.

Ключові слова: російська еміграція першої хвилі, літературна критика, російський європеїзм.

Korchevskaya O. The phenomenon of Russian Europeanism in the literary criticism of the Russian emigration of the first wave // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.499-504.

The article studies the reflection of the ideas of Russian Europeanism in the literary and aesthetic conceptions of the Russian emigration.

Key words: Russian emigration of the first wave, literary criticism, Russian Europeanism.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.